

Статьи

УДК 394(450)

DOI: 10.28995/2658-4158-2019-3-29-49

Одержимость и транс в традиционной культуре Сардинии в прошлом и настоящем (на примере области Барбаджа)

Оксана Д. Фаис

*Центр европейских и американских исследований,
Институт этнологии и антропологии Российской академии наук,
Москва, Россия, oxana-fais@yandex.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена теме одержимости и транс в контексте «живого» этнографического материала на примере одного из регионов Италии, Сардинии, и прежде всего ее центральной горной области – Барбаджи. Ввиду малой изученности данных феноменов в упомянутом регионе мы, базируясь на собственном полевом материале и апеллируя к исследованиям Э. Бургиньон и И. Жордани, стремимся подойти к проблеме не с традиционных позиций психологии и психиатрии, но с точки зрения культурной антропологии, рассматривая эти явления как органичное порождение локальных верований, мировидения, обрядности. В качестве объекта описания выбраны три феномена локальной традиционной культуры: обрядовый «круговой танец», шествие карнавальных ряженных в одной из деревень Барбаджи и вхождение в транс пастухов, представляющих собой преобладающую социо-культурную страту населения этого региона и основных «хранителей» традиции и локальной культуры. Мы приходим к заключению, что сохранение здесь до сегодняшнего дня древних устоев веры является непременным условием вхождения в состояние транс и одержимости в этом регионе.

Ключевые слова: транс, одержимость, боевой транс, культура Барбаджи, сохранение традиционности, «круговой танец», демоны, апотропейные и зоолатрические пастушеские обряды

Для цитирования: Фаис О.Д. Одержимость и транс в традиционной культуре Сардинии в прошлом и настоящем (на примере области Барбаджа) // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2019. № 3. С. 29–49. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-3-29-49

© Фаис О.Д., 2019

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН (Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS).

On obsession and trance
in the traditional culture of Sardinia in past and present
(the case of Barbagia)

Oxana D. Fais

*Center of European and American Studies. Institute of Ethnology
and Anthropology Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; oxana-fais@yandex.ru*

Abstract. The present report is devoted to obsession and trance studied through first-hand ethnographical data. Geographically, the focus of the current study was one of European regions, namely Sardinia with its mountainous area of Barbagia. Due to the lack research into these phenomena in the region the author makes use of her own field data as well as terms introduced by Erika Bourguignon and Iosif Jordania and tries to approach the issue from the perspective of cultural anthropology rather than psychology and psychiatry, looking at these phenomena with no reference to Christianity, but as something based on local beliefs, mindset, rites and rituals. The current study analyses three traditional phenomena: the circle dance, the marching of carnival revelers in one of the local villages and the entry into the trance of shepherds, which are the predominant socio-cultural strata of the population of the region and the main “keepers” of tradition and local culture. The research revealed, in particular, that up to the present day one must retain ancient religious foundations in order to be able to get into the state of trance and obsession.

Keywords: obsession trance, battle trance, culture of Barbagia, cultural conservation, «ballu tondu», demons, apotropaic and zoolatric shepherds' rites

For citation: Fais OD. On obsession and trance in the traditional culture of Sardinia in past and present (the case of Barbagia). *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*. 2019;3:29-49. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-3-29-49

Италия представляет собой страну, объединяющую 20 областей, население которых подчас радикально различается по своему этническому составу, языку, традиционной культуре, равно как и по степени консервации последней. К числу регионов, отличающихся наибольшей архаичностью и самобытностью локальных культур, а также сохранением их витальности в настоящее время, несомненно, относятся Сардиния, Фриули и Сицилия, а также в меньшей степени Кампания, Апулия и Базиликата. В частности, именно во всех этих регионах сохраняется практика одержимости и погружения в транс, связанная с традиционной культурой. По степени их «проявленности» и консервации Сардиния является «лидером»;

центральная горная область острова, Барбаджа, оказывается своего рода «форпостом» локальной традиционности в условиях современной модернизации островных быта и культуры, оплотом сохранения этой традиционности в максимально приближенном к ее древним моделям виде (по признанию всех исследователей Сардинии, этот центральный горный массив на всем протяжении истории острова практически никогда не становился объектом захвата и аккультурации). Нужно уточнить, что мы намереваемся рассмотреть эти феномены в контексте отнюдь не христианства с его представлениями об одержимости бесами и практиками экзорцизма, но более древней традиционной народной культуры.

Хотя все исследователи местной островной самобытности упоминают факт присутствия трансa и одержимости в сардинской культуре в прошлом и настоящем, эти явления до сих пор не стали предметом специального исследования. Число авторов, которые более или менее подробно останавливались на них, можно буквально пересчитать по пальцам. Первый из них – Франческо Алциатор (1909–1977), едва ли не самый крупный и известный знаток Сардинии, в первую очередь культуры Барбаджи, блистательный этнограф и лингвист, человек энциклопедического образования, автор многочисленных исследований по антропологии острова [1–6], из которых самым важным является «Сардинский фольклор» («Il Folklore Sardo»), в законченном виде увидевшее свет уже после смерти ученого. Тем не менее даже Алциатор лишь весьма бегло упоминает о трансe и одержимости.

Тему погружения в подобные состояния участников традиционных ритуальных практик в Барбадже затрагивает в своих статьях этнограф Пьерина Моретти (7;8); исследовательница базировала свои выводы на глубочайшем знании источников и на результатах собственных полевых изысканий.

О состоянии трансa писал и антрополог, директор Регионального Института этнографии в Нуоро Раффаэле Марки в научной статье, посвященной маскам и шествиям ряженных в Барбадже [9 с. 1262–1279]. Эта работа основывалась исключительно на полевом материале и была опубликована в журнале «Иль Понте» («Il Ponte») – общественно-политическом издании, посвященном в том числе и вопросам культуры.

Четвертый автор, на первый взгляд, подробно апеллирует как к прошлому Барбаджи, так и особенно к современному состоянию культуры этого ареала, в том числе и к явлению трансa. К сожалению, речь идет о человеке, снискавшем себе печальную и скандальную славу в академических кругах Сардинии и Италии: Долорес

Турки, учительница начальной школы в одной из деревень Барбаджи, опубликовала большое число книг, посвященных сардинской традиционности и, в частности, культам и ритуалам [10–15]. Но обилие печатных работ не всегда подразумевает их научную ценность. Все эти публикации вызывают справедливую яростную критику со стороны серьезных исследователей, поскольку даже поверхностный и беглый анализ этих «трудов» выявляет абсолютную неграмотность и некомпетентность их автора, позиционирующего себя как культурный антрополог, равно как и псевдо-научный и спекулятивный характер подачи материала, его подтасовку и искажение сути исследуемых явлений. Претензии Д. Турки тем более карикатурны и нелепы, что она, уроженка Тосканы, за 40 лет пребывания в Барбадже так и не овладела сардинским языком, до сих пор остающимся основным средством общения в этом ареале; отметим, что без знания сардинского языка исследователю, особенно «чужеземцу», весьма сложно войти в контакт с местными жителями этого «интровертного» региона, а тем более быть допущенным к таким, на их взгляд, «потаенным» сферам народной культуры, как локальные обряды и ритуалы, и адекватно понять исследуемые явления.

Наконец, косвенные данные по состояниям транса и одержимости в Барбадже в исторической ретроспективе, от прошлого до современности, содержатся в статье «Мамутонес и Иссохадорес, маски, карнавалы. Этнографические заметки» («Mamuthones e Issohadores, maschere, carnevali. Note ethnografiche») под редакцией исследователя Раффаэле Баллоре, возглавляющего Ассоциацию «Pro-Loco» в Мамойада (провинция Нуоро), созданную с целью сохранить локальное культурное наследие и оградить его от чужеродных влияний [16].

Таковым предстает состояние изученности вопроса о трансе и одержимости в традиционной сардинской культуре. Именно поэтому мы, следуя намеченным Ф. Алциатором векторам научного поиска и исходя из выводов П. Моретти и Р. Марки, основываемся преимущественно на собственном полевом материале, полученном в результате многолетнего включенного наблюдения и опросов населения в Барбадже, зоне, как было уже сказано, наибольшей культурной архаики и высокой степени ее сохранности. Многократные полевые этнографические исследования, проводимые нами в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. и в 2014–2018 гг. позволили отследить определенную динамику сохранения изучаемых феноменов (массив исследований полностью хранится в Музее народных традиций в Аритцо (провинция Нуоро), на базе которого и проводилась наша работа).

Прежде чем перейти непосредственно к анализу эмпирического материала, остановимся на терминологии. Не ставя своей задачей детальное изучение ни теории трансa и одержимости, ни историографии исследовательских школ, преимущественно психологических, в рамках которых разрабатывались термины и концепции, касающиеся этих феноменов, подчеркнем, что применительно к Сардинии мы берем на вооружение два понятия, выработанные ранее культурными антропологами и наиболее адекватно, на наш взгляд, отвечающие культурным реалиям Барбаджи.

Первое – это категория так называемого «транса с одержимостью». Данное понятие было предложено антропологом Эрикой Бургиньон, которая провела в 1970-е гг. масштабное межкультурное исследование 488 социальных обществ из разных уголков планеты (преимущественно в Азии и Африке), в большинстве из которых присутствовало верование в одержимость в той или иной форме [17 с. 3–38]. Конкретизируя определение понятия «транс с одержимостью», Бургиньон писала, что оно предполагает «...воплощение другой личности. Впадающий в транс видит, слышит, ощущает, воспринимает другого и взаимодействует с ним; впадающий в транс одержимости становится этим другим» [17 с. 15]. Обрисовывая ареал «существования» этого вида трансa, Бургиньон отмечала, что он «широко распространен в прилегающих к Сахаре районах Африки и, в меньшей степени, в *средиземноморском регионе* (курсив мой. – О. Ф.). Он также наблюдается в Евразии и на островах Тихого океана и часто встречается в Афрo-Америке среди потомков африканских народов, которые в значительной степени сохранили религиозные традиции своих предков» [17 с. 16–17].

Вторым понятием, к которому мы апеллируем в контексте анализа народной культуры Барбаджи, является концепт «боевого трансa» («Battle Trance»), предложенный советским и австралийско-грузинским этномузыковедом и антропологом, автором многочисленных трудов по истории и теории музыки Иосифом Жорданияей [18 с. 98–102]. В интерпретации Жордания этот термин в общих чертах обозначает измененное состояние сознания людей, участвующих или готовых участвовать в боевых действиях.

Состояние боевого трансa может возникнуть спонтанно, в экстремальной ситуации, или быть вызвано с помощью особых приемов. К их числу Жордания относит строевой шаг, пение хором, барабанный бой и особую раскраску тела. Наряду с другими исследователями он уделяет особое внимание и танцам, поскольку предполагается, что спонтанно синхронные или специально синхронизированные движения нескольких танцоров способствуют

возникновению группового транса [19 с. 103]. Уместно в этой связи вспомнить фразу английского психолога Генри Хэвлока Эллиса: «Все, кто наблюдал жизнь диких племен, замечают, что танцоры, принимающие участие в пляске, действуют в удивительной гармонии; они в каком-то смысле сливаются в единое существо, одушевленные общим порывом» [20 с. 63]. Не менее актуально высказывание такого опытного воина, как Морис Саксонский – французского полководца, маршала Франции, который отмечал, что в целом любое ритмичное движение может синхронизировать поведение группы и заставить ее вести себя как единое целое [21 с. 76, 79]. Кроме того, иногда для достижения вождя состояния боевого транса могут применяться психотропные вещества.

Непосредственный анализ нашего эмпирического материала необходимо предварить кратким описанием региона, к которому он относится – а именно Барбаджа. Не существует единого мнения в отношении того, что есть Барбаджа и где проходят границы этого центрального горного района Сардинии. Некоторые исследователи, например Г. Музио, полагают, что правомерно разделять эту горную область на «внутреннюю» и «внешнюю» [22 с. 29–36]. Первую из них, расположенную на высотах от 700–800 м и до 1626 м над уровнем моря, считают более архаичной в культурно-хозяйственном отношении и приближенной к автохтонным антропологическим и лингвистическим истокам, вторую, сползающую по отрогам гор, – более модернизированной, подвергшейся инокультурным инновациям [22 с. 37–38]. В целом Барбаджа представляет собой область традиционного «классического» сардинского пастушества. Она до сих пор удерживает первенство в Европе как по абсолютному количеству овец, так и по их численности на душу населения.

В культурном отношении Барбаджа продолжает оставаться очагом пусть в последнее время несколько «истончившейся», но традиционности; как уже было сказано выше, исследователи Сардинии до сих пор считают именно ее средоточием культурной «самости» в наиболее архаичных проявлениях. Одной из причин подобной консервативности является то, что исторически «непокорная» и интровертная Барбаджа (ее название происходит от топонима *Barbaria* – древние римляне так называли этот регион ввиду фактической неподконтрольности его населения центральной власти) была в очень малой степени ассимилирована всеми завоевателями острова, что и позволило области сохранить в относительной неприкосновенности древнюю самобытность. Неслучайно один из наиболее компетентных исследователей Сардинии Джованни Лиллиу обозначил Барбаджу как «сардинскую сопротивленческую

константу» («la costante resistenziale sarda») [23]. Кроме того, именно пастухи (а не крестьяне и не ремесленники) Сардинии представляют собой, образно говоря, среду максимальной концентрации и консервации традиционности, сохранения исторической памяти, народного культурного наследия.

Среди многочисленных материальных и нематериальных элементов народной культуры в Барбадже сохранился такой древний феномен, как *ballu tundu*, «круговой танец». Его исполняет группа держащихся за руки танцоров, образующих тесный замкнутый круг. Движения очень просты – танцоры перетаптываются с ноги на ногу, двигаясь попеременно то в одну, то в другую сторону по кругу; танец весьма продолжителен по времени. По традиции его непременным атрибутом является огонь, вокруг которого *ballu tundu* и исполняется. Танец сопровождается *canto-a-tenore* – типичным для Барбаджи горловым полифоническим пением, исполняемым четверьмя певцами и сопровождаемым музыкальными импровизациями на *launeddas* – исключительным сардинском духовом инструменте, представляющем совокупность трех соединенных между собой у мундштука тростниковых трубок разного диаметра, длины и звучания.

По свидетельству Фр. Алциатора, *ballu tundu* уходит корнями в глубокую архаику и связан с культом огня. Едва ли не самое раннее письменное описание этого танца встречается в труде «Sardiniae brevis historia et descriptio» («Краткие история и описание Сардинии»), опубликованном в 1550 г. и принадлежащем перу Сигизмондо Аркера (1530–1571), сардинского юриста и литератора, окончившего свои дни на костре инквизиции по обвинению в распространении ереси. Аркер писал о танце так: «...die et nocte saltant, profana cantant, chorea viri et viri cum foeminis ducunt...» («...и прыгают они ночью и днем, безбожное поют, хороводы мужчины, а также мужчины с женщинами водят...») [24 с. ХСV].

Упоминания о *ballu tundu* встречаются в труде юриста Джованни Мария Мамели (1805 г.), сосредоточившего свое внимание на правовой культуре Сардинии [6 с. 153]. В 1825 г. о танце достаточно подробно повествует Альберто Ла Мармора, генерал, исследователь, путешественник и писатель XIX в. [25 с. 42]. В 1849 г. многочисленные примеры бытования «кругового танца», относящиеся к разным районам Барбаджи, приводит в своем трехтомном труде наблюдавший их выпускник Оксфорда англичанин Джон Тиндэйл, посетивший Сардинию в 1843 г. [26 с. 382; 27 с. 368; 28 с. 356].

Отметим, что Аркер подчеркивал различные с точки зрения гендерной принадлежности танцующих варианты танца – его исполняли как мужчины, так и мужчины с женщинами. У более поздних

авторов фигурируют преимущественно разнополюе танцоры. Но начиная с 1980–1990-х гг. многие серьезные фольклорные коллективы Сардинии, апеллирующие к аутентичности и в силу этого базирующиеся в своих хореографических реконструкциях на сведениях, почерпнутых из достоверных исторических источников и на локальной традиции, сохраненной исторической памятью населения, начинают воспроизводить *ballu tundu* исключительно в мужском варианте.

Этот факт, равно как и мнение Фр. Алциатора об «исходной» сугубой мужественности этого танца, мы расцениваем как доводы в пользу нашей гипотезы об изначальном характере *ballu tundu*. Мы полагаем, что он был древнейшей ритуальной пляской воинов, поскольку овцеводы Барбаджи, как это подчеркивают многие исследователи Сардинии, в первую очередь Дж. Лиллиу, в силу особенностей жизни в этой области фактически превращались в «пастухов-воинов» [29 с. 985], вынужденных пребывать в постоянной боевой готовности отражать набеги врагов, откуда бы последние ни пришли.

В этом смысле *ballu tundu* можно рассматривать в одном ряду с чеченским и ингушским *зикром*, представляющем синкретический сплав древнего боевого общинного хоровода с молитвенной мусульманской составляющей. Также параллель с сардинским «круговым танцем» мы усматриваем и в суфийском ритуале *сама*, представляющем собой разновидность *зикра* и включающем в себя пение, игру на музыкальных инструментах и пляску-кружение. Кроме того, полным аналогом *ballu tundu*, столь же древним, Фр. Алциатор считает и групповой мужской хоровод *marauasc*, распространенный в Молизе на юге континентальной Италии [6 с. 153; 4 с. 63–69]. Впадают или впадали ли ранее в транс участники этих хореографических действий?

Что до танцоров, представляющих *зикры*, то они дают однозначно-утвердительный ответ; по уверению самих участников мероприятия, *зикр* действует на них гипнотически, наполняет силой, позволяет забыть об усталости, страхе, гневе, приводит к потере индивидуальности и к превращению индивида в часть целого [30 с. 98–101]. Не менее очевидно присутствие трансa и в других суфийских практиках.

Мы предполагаем, что танцоры, исполняющие и *ballu tundu*, и *marauasc* также впадали в состояние боевого трансa, причем одним из детерминирующих это состояние факторов был огонь, игравший гипнотическую роль. Наше предположение мы строим на ответах наших респондентов, преимущественно мужчин, но также и жен-

щин, уроженцев сельской среды Сардинии (Барбаджи), опрошенных в 90-е гг. XX в. и несколько позднее.

«Давние» респонденты (42 человека) не были профессиональными танцорами, это были крестьяне, ремесленники, пастухи, представители местной деревенской администрации; «круговой танец» они исполняли периодически, во время проведения местных праздников или традиционных ритуалов, призванных обеспечить дождь, гарантировать плодородие землям или тучность стадам.

Большинство их (свыше 90%), даже танцевавшие бок о бок с женщинами, единодушно утверждали, что по прошествии определенного времени в процессе танца у них, по их словам, странно смещалось сознание, тело словно теряло вес, но при этом что-то «костенело» или «каменело» внутри, превращаясь в «стержень», на который была нанизана внешняя оболочка тела. Взгляд притягивало пламя, и от огня было невозможно отвести взор, причем, по словам респондентов, шедшее от костра тепло «вливалось в тело через глаза». Движение в танце, по описаниям респондентов, с одной стороны, как будто приумножало силы танцора, вытягивая вверх его тело и наполняя его физически ощутимой *balentia* (в буквальном переводе – «доблесть», ключевое понятие этико-правового кодекса Барбаджи, то, чем должен быть наделен настоящий мужчина; ср. исп. *valiente* – «тот, кто чего-то стоит»), с другой – словно «сплющивало» его и «склеивало» в единый монолит с окружающими. По описаниям большинства респондентов, их ощущения были такими, будто каждый из них становился частью отряда, которому предстояло защищать крепость, которой они же сами и были; одновременно, правда, едва ли не каждый уверял, что окружающие-де отсутствовали, а он был наедине с неким невидимым верховным началом, чье присутствие тем не менее явственно ощущалось.

Поразительно, что о состоянии испытанного трансa говорили и танцевавшие *ballu tundu* женщины из числа «давних» респондентов, правда, в их изложении описанные ими ощущения представляли значительно более слабыми и размытыми по сравнению с теми, о которых рассказывали мужчины.

Опрошенные в наши дни информанты (34 человека) входят в состав фольклорных трупп, в силу чего танец превращается в их профессиональную и, на первый взгляд, весьма формальную обязанность. Практически все респонденты – молодые мужчины в возрасте от 23 до 35 лет, обладающие по сравнению с респондентами предыдущего поколения более высоким культурно-образовательным уровнем и в силу этого, на первый взгляд, психологически более защищенные от какого-либо внушения или самовнушения. Тем не

менее 94% опрошенных говорили о наступлении если не в каждом танце, то весьма часто во время исполнения *ballu tundu* состояния транса, который они сами обозначали, что показательно, как *ispiritu 'e gherri* (сард. «дух воина»). На наш вопрос, в чем это проявлялось, давались весьма схожие ответы. Так, отмечались искажения сознания и восприятия («словно травку покурили»), респонденты говорили о переходе в состояние «безмыслия», об ощущении удлиннения, истончения тела, вылета души (духа) за пределы телесной оболочки, о нарушении чувства дистанции – огонь резко приблизился к глазам, а тело словно кто-то «швырял» прямо в пламя, и оно не обжигало. Отметим, что в тех редких случаях, когда *ballu tundu* не сопровождался огнем, респонденты, по их собственному признанию, в состоянии транса испытывали более слабые ощущения. Полностью исчезали эмоции: уходило ощущение страха, тревоги, сомнений. Одновременно фиксировалась синхронизация всех форм деятельности с «коллегами» по группе, наступление состояния «единодушия» с ними и готовности слиться с другими танцорами в нечто единое, мужское по духу. В этой группе многие также упоминали ощущение присутствия «некоего Духа», ведущего всех в одном направлении, некоторые подчеркивали появление у себя чувства некой «нацеленности», «предназначенности», хотя и не могли уточнить, в чем конкретно она выражалась.

Подводя некоторые итоги, даже на основании несколько расплывчатых ответов наших респондентов очевиден факт транса даже у современных участников танца *ballu tundu*, и, скорее всего, это он был хорошо известен танцорам в прошлом. При этом мы настаиваем, что применительно к последним речь идет именно о «боевом трансе», тогда как в наши дни можно говорить о реликтах этих ощущений и изменении формы транса.

Остановимся теперь на другом любопытном примере измененного состояния сознания, а именно на «трансе одержимости», связанном с карнавальными обрядностью и с шествиями ряженных в Барбадже. Здесь вновь следует сделать некоторое отступление.

В Барбадже карнавал и карнавальные традиционные ритуалы, вернее, их реликты, по сей день продолжают сохранять жизнеспособность и органичную интегрированность в жизнь людей. В иерархии общенациональных и локальных праздников Сардинии, религиозных и светских, именно карнавальная неделя занимает верхнюю строку; густо «нафаршированная» языческими элементами, особенно яркими и многочисленными в Барбадже, именно она вызывает у жителей наибольший эмоциональный подъем. Правда, все разновидности карнавала в Сардинии «стартуют» отнюдь не в дату,

предписанную католической церковью, а в день Святого Антония Аббата, 17 января. Кроме того, как отмечают многие исследователи, по своему характеру это празднество в Барбадже не имеет ничего общего с карнавалом, проходящим в других частях Сардинии, не говоря уже о других землях Италии и прочих регионах его проведения: примечательно, что здесь оно исполнено не веселья, но мрачности, скорбности, трагичности [31 с. 376; 32 с. 16; 33 с. 46].

Карнавал во всей Сардинии неразрывно связан с участием масок; иногда маску может заменить гримировка персонажа, придание ему определенных черт путем раскрашивания его лица, обряжения головы с помощью характерных аксессуаров и облачения в специфический костюм. В Барбадже преобладают «немые» маски и герои, зооморфные личины и персонажи; именно их исследователи характеризуют как наиболее древние, типичные и аутентичные в сардинском фольклоре [6 с. 79]. Участие женщин в мистериях в Барбадже традиционно жестко табуировалось, исполнителями ролей протагонистов были мужчины, вне зависимости от гендерной принадлежности изображаемых фигур; впрочем, в этом ареале почти и нет женских персонажей.

В каждой деревне карнавал проходит по своему сценарию, со своими характерными фигурами, масками и костюмами. Так, например, в Мамояда участниками мистерий являются парные персонажи – *mamuthones* и *issokhadores*, в Оттана – совершенно иначе выглядящие и ведущие себя *boes* и *merdules*, в Оротелли – *thurpos* и *eritzaiu* («еж»), в Фонни – *urtzu* («медведь») и т. д.

Отметим сразу: современность вносит свои коррективы в традиционный образ жизни жителей Барбаджи, и карнавальные мистерии, оставаясь органичным элементом обрядовой жизни деревни и «средством удовлетворения» потребностей сельских жителей (обеспечением фертильности скота, оптимальности погодных условий, урожайности), также являются соблазнительной приманкой для туристов, число которых с каждым годом все больше возрастает, привлеченное возможностью приобщения к аутентичным культурным феноменам, к «экзотике».

Обратимся к примеру Мамояда, ритуал которой исследователи Барбаджи относят к числу наиболее древних в Сардинии [6 с. 78–79, 155; 7 с. 179; 8 с. 23; 9 с. 1262–1263]. Ключевым моментом празднования здесь является шествие и противоборство персонажей *mamuthones* и *issokhadores*.

Mamuthones всегда несколько. Они обряжены в черные овечьи лохматые шкуры-бурки – древнее одеяние пастухов (*mastrucca*), что уподобляет их грозным звероподобным существам. Лица *mamuthones*

закрывают устрашающей характерной черной деревянной антропоморфной маской с гипертрофированными скулами, носом и ртом. Голову венчает пастушеская кепка, поверх нее – женский черный или коричневый платок, завязанный под подбородком. На ногах черные ноговицы, на теле поверх шкуры – огромная, до 30 кг весом, круговая связка овечьих колокольчиков и коровьих ботал, надетая наискосок с плеча под мышку.

Mamuthones шествуют группой, они выстраиваются рядами, двигаются всегда молча, ритмичной особой поступью – прыжками с поворотом туловища то на одну, то на другую сторону, синхронизируя как кинесику, так и звон ботал при движении. Это отлаженное движение Фр. Алциатор именует «самой древней формой ритуального танца в культуре Сардинии» и «одной из наиболее архаичных форм обрядового танца в Европе» [6 с. 155]. Путь *mamuthones* долог; они должны несколько раз обойти вокруг всей деревни и суметь почтить своим присутствием все улицы населенного пункта, что требует от участников шествия немалых сил и выдержки. Толпа зрителей расступается, чтобы пропустить их; *mamuthones* ведут себя по отношению к окружающим агрессивно, но сдержанно: агрессия выражается в жестях и поворотах головы к «жертвам» по мере прохождения кортежа.

За ними следуют *issokhadores* – персонажи в людском обличье, в белых рубахах, черных штанах и ноговицах, ярко-алых жилетах, обвязанных по талии женскими цветастыми платками с бахромой, характерным головным убором – *berritta*, уложенным на голове «слоями» и закрепленным скрученным в жгут платком; в руках они держат длинную веревку, наподобие лассо, с петлей. Лица *issokhadores* по традиции остаются неприкрытыми: их выбеливают либо закрывают белыми, подчеркнуто «правильными», почти «безликими» масками. Их имя происходит от сардинского *soco* – «веревка» (исп. *soga* – «вервие»). Цель *issokhadores* – держать под контролем *mamuthones*, обуздывать их дикую мощь и в конце концов пленять, набрасывая на них веревки. В момент пленения зрители исполняют вышеупомянутый *ballu tondu*, в который ранее вовлекались лишь мужчины, а в настоящее время – все жители деревни, замыкающие в кольцо «победителей» и «побежденных».

Церковь интерпретирует данное действо как торжество христианства над язычеством, но очевидно, что оно, как, впрочем, и все мистерии в деревнях Барбаджи, при всех различиях их сценариев, героев и персонажей, уходит корнями в более глубокие временные пласты и апеллирует к древним культурным кодам, которые трудно дешифровать.

Mamuthones и *issokhadores* следует отнести к разным таксономическим и хронологическим рядам: первые являются органичным элементом оригинальных древнейших апотропейных и зоолатрических пастушеских обрядов, призванных апеллировать к демонам для обретения их покровительства в защите стад, пастбищ и самих пастухов, тогда как фигуры вторых представляют собой значительно более позднее «включение», санкционированное церковью для придания «приличного вида» явно-языческому обряду), равно как и детальный этимологический анализ имени *mamuthones* и их связи с другими мифологическими и обрядовыми персонажами Барбаджи. Проблема их классификации и выявление происхождения заслуживают отдельного детального исследования.

Опираясь на приведенные Р. Марки, П. Моретти и Фр Алциатором доводы, мы считаем, что *mamuthones* – это разновидность демонов, плотно «населявших» в древности мир верований жителей Барбаджи. При этом речь идет не о демонах в христианской интерпретации, но, скорее, о даймонах, «духах», «божествах» в античном понимании – т. е. сверхъестественных существах, «ведающих» различными сферами жизни и имеющих смешанную природу, т. е. в равной степени творящих как зло, так и добро.

Конечно, сейчас уже трудно судить о характере этих верований, о целостном сценарии действия в Мамояда, наконец, о знакомости и характере всех его участников, поскольку мы, скорее всего, имеем дело только с ограниченным реликтом очень древнего обряда, сохранность элементов которого весьма условно позволяет делать заключения о его изначальном смысле и назначении. Возможно, *mamuthones* были воплощениями верховного демона Маймоне (*Maimone*), его «подчиненными» или «порождениями», либо даже – по предположению П. Моретти – его потенциальными «премниками», покушающимися на уничтожение Маймоне (в последнем случае исследователь апеллирует к современной ей карнавальной практике: именно персонажи, внешне напоминающие *mamuthones*, участвуют в сожжении сделанной из соломы фигуры *Maimone* [7 с. 180]). Очевидно одно: *mamuthones* в традиционном мировидении Барбаджи – это демонические персонажи неопределенного ранга, требующие умиловствления и поклонения со стороны людей для обеспечения их земных хозяйственных нужд.

Возвращаясь теперь к теме трансa и, в частности, трансa одержимости, подчеркнем, что погружение в это состояние исполнителей роли *mamuthones* отмечали, как уже говорилось выше, и Р. Марки, и П. Моретти, и Фр. Алциатор, и Р. Баллоре, и даже Д. Турки. Этот факт подтверждают и результаты наших опросов.

По словам респондентов, исключительно мужчин, представляющих как более «старую» группу опроса, так и современную, участие в мистерии приводило их к ощущению, что они обрели своего рода перерождение, что их телесная природа изменилась. Очень часто (свыше 90% опрошенных) звучал ответ: «Когда я надеваю маску, это уже не я, это нечто другое». Отметим, что аналогичный ответ, комментируя свое преображение, нам давали респонденты и в Оротелли, другой деревне Барбаджи, где участники карнавалов мистерий не надевают масок, но окрашивают лицо в черный цвет пеплом. При этом на вопрос, что же представляет собой это «другое» – человека, животное, какое-либо другое существо или же дух, стихию, энергетический сгусток – подавляющее большинство респондентов, деревенских жителей, не слишком знакомых с антропологическими исследованиями по фольклору Барбаджи и значению образа *mamuthones*, утверждали, что они в момент преображения превращаются в «темное существо», «грозное» и «могущественное», которое толпа должна «задобрить» и которое обладает особой *balentia*, «мощью» и «властью над всеми». Очень многие информанты подчеркивали, что испытываемые ими ощущения в данной фазе обрядового действия можно свести к лапидарной формуле «Мы – главные». Необходимо также подчеркнуть, что, без каких-либо навязываемых вопросов с нашей стороны на этот счет, многие также отмечали, что в ходе ритуала осознают, хотя и в своеобразной, измененной, «искривленной» (сард. *tortu*) форме, свое погружение в древность, в глубь времен, в архаику, причем участие в обрядовых действиях, в действенность которых они верят, исполняет их ощущением своей особой, дополнительной значимости.

В целом впадение в транс и даже, возможно, достижение состояния одержимости до сих пор оценивается всеми опрошенными нами респондентами (а не только протагонистами мистерий!) в Барбадже как важное и неперемное условие, придающее этим обрядам и ритуалам смысл и значимость и гарантирующее традиции преемственности и витальности. Транс и одержимость суть гарантии материализации *mamuthones*, их возвращения, обретения ими телесного облика и, соответственно, выполнения демонами их функций – в первую очередь обеспечения плодородия скота, его сохранности и приумножения. Сохранение обряда, в свою очередь, по мнению респондентов, имеет в первую очередь практическое «хозяйственное» значение для местных жителей. И в Мамояда, и в других деревнях Барбаджи мы задавали вопросы, как местные жители относятся к все увеличивающемуся числу туристов, привлеченных местной обрядностью, но присутствие чужаков, невзирая на то что оно при-

носит ощутимые материальные блага в местную казну, оценивается жителями крайне ревностно и негативно и зачастую воспринимается как кощунство, вредящее обряду и нивелирующее его смысл.

С началом движения колонны и выходом группы участников «на режим» прыжков ощущение трансa, по словам респондентов, интенсифицируется, а синхронный звон ботал и колокольцев доводит их до апогея и до полного «растворения» ряженных в их сугубых ощущениях. По мере прохождения *mamuthones* по деревне, по свидетельству участников мистерии, у них не только не наступает чувство усталости, но, наоборот, прибывают силы, по их выражению, «нечеловеческие», «внеземные». Ботала утрачивают свой вес, усталость в ногах уходит, тела, с одной стороны, словно наливаются чугушной тяжестью, с другой – становятся невесомыми, у каждого появляется чувство слитности с остальными участниками шествия. На наш вопрос, что ощущают *mamuthones* в момент их пленения *issokhadores*, практически все «демоны» ответили, что речь идет о чем-то незначительном, о некоем досадном и кратком моменте в мистерии, не нарушающем целостность действия и не лишаящем, по ощущениям, служит еще одним доказательством того, что фигура *issokhadores* представляет собой, по-видимому, позднюю, искусственную и, возможно, насильственную интродукцию в ткань и сценарий древнего обряда.

Мы задавали вопрос об использовании каких-либо психотропных веществ, растительных препаратов, каких-либо стимулирующих преломление сознания снадобий в практике превращения в *mamuthones*. Наши респонденты поголовно давали отрицательный ответ, утверждая, что нужды в таких средствах стимуляции нет, что «и без них все прекрасно получается». Сведений о том, применялись ли подобные средства в Барбадже в прошлом, практически нет, хотя опрос пожилых селян в 1980-е гг. свидетельствует, что состояния трансa в процессе мистерий участники их достигали естественным образом, без применения каких-либо дополнительных веществ. Также не применялся в качестве стимулятора и «трансформера» сознания и алкоголь, хотя сегодня ситуация с ним несколько изменилась. Так, ранее, согласно ответам «давних» респондентов и наиболее пожилых информантов, к алкогольным напиткам в контексте традиционных ритуалов, обрядов и мистерий никто никогда не прибегал, хотя празднества в Сардинии немислимы без употребления «горячительного», преимущественно вина. В среде же «недавней» группы респондентов примерно 40% опрошенных указали, что прибегают к использованию небольшой дозы алкоголя (пива, самогона, местной водки). Правда, речь идет об «употреблении» после завер-

шения обряда, с тем чтобы было легче отрешиться от пережитого ими (или, как говорили респонденты, «смыть страх») и проще и быстрее вернуться к «нормальному состоянию» тела и души.

В контексте разговора о состояниях транса и одержимости во время древних ритуалов и обрядов в Барбадже следует подчеркнуть еще один момент. Практически все наши респонденты–участники мистерий в деревнях этой горной области и, в частности, в Мамойада отмечали странную закономерность. Если обряд творится «для своих», так сказать, *in loco*, его участники практически всегда впадают в состояние транса и одержимости, если же мистерия устраивается на потребу зрителей-туристов и проводится за пределами своего естественного «ареала» (например, на фольклорных фестивалях в столице Сардинии – Кальяри или за пределами острова; на торжестве *Corpus Domini* – Празднике Тела и Крови Христовых, когда в крупных городах – Сардинии, Кальяри, Сассари, Нуоро – проходит «слет» фольклорных коллективов), то чаще всего эти состояния не наступают, и обряд превращается в его симуляцию. Примечательно, что, комментируя факт отсутствия транса в контексте празднования, например, *Corpus Domini*, респонденты полагали это «естественным» и «само собой разумеющимся», поскольку *s'ispiritu* («дух» – имеется в виду то характерное состояние, которое охватывает участников во время шествий. – О. Ф.) не может снисходить на протагониста традиционного действия в ходе *festa 'e sa cresia*, т. е. церковного, католического праздника.

В ходе полевых работ, проводившихся в Барбадже, нам неоднократно приходилось слышать, преимущественно в пастушеской среде, упоминания об особых местах в горах, где человек впадает в состояние, близкое к трансу. К их числу относятся, например, так называемые *domus de janas*, «дома нежити» – особые пещеры, в которых, по поверьям, обитают горные ведьмы, насылающие морок.

В заключение отметим, что тема транса и одержимости в традиционной культуре Барбаджи отнюдь не исчерпывается вышеописанными двумя примерами. Нами также отмечено некое особое состояние, в которое впадают, например, пастухи, сидящие у костра в горах в определенный час – в краткий отрезок «вечерних сумерек», именуемых в Сардинии *primunotte* («канун ночи») – временем, которое в локальном контексте считается самым опасным временем суток, своего рода «трещиной между мирами», если оперировать терминологией, предложенной К. Кастанедой. Этот феномен был зафиксирован нами в начале 90-х годов XX в. среди отдельных пастухов в нескольких деревнях провинции Нуоро в Барбадже – Аритцо, Дезуло, Оргозоло, Мамойада, Оттана, Оротелли, Фонни

и Лула. О данном явлении известно очень немного: о нем крайне скупно говорили как лица, непосредственно испытывающие транс, так и другие пастухи, наблюдавшие его у своих «коллег»; опрошенные представители других социо-культурных слоев деревень (крестьяне, ремесленники, торговцы) в ряде случаев подтверждали, что знают о наличии подобного свойства у пастухов, но подчеркивали, что не располагают какими-либо пространственными сведениями, а лишь упоминали способность пастухов «погружаться» в некое особое состояние. Отметим также, что данный феномен, по нашим сведениям, не находил отражения в научной литературе; впервые предельно кратко и вскользь он был отмечен в книге «От селения к лесу. Об очеловечивании пространства в одной агро-сельво-пасторальной общности в Барбадже» [34 с. 154, 189–190], принадлежащей перу Армандо Мажиа, директора Этнографического музея в Аритцо (пров. Нуоро), совместно с которым и проводилось наше исследование, как раз на базе результатов этого исследования.

Малоизученность феномена, лапидарность упоминаний о нем напрямую связаны с определенными чертами, присущими пастушеству в Барбадже, и с тем ореолом молчания, который исторически окружает его в регионе. Традиционная замкнутость, закрытость, немногословие сардинского пастушества, в первую очередь в Барбадже и особенно в отношении того, что касается его деятельности, обычаев и культуры, не располагали наших респондентов-пастухов к откровенности и не позволили получить сколь-либо исчерпывающую информацию по интересующему нас вопросу. Теми немногими сведениями, которые нам удалось получить, мы обязаны исключительно участию в опросах вышеупомянутого А. Мажиа, местного уроженца, да и то в основном потому, что его отец был пастухом, а следовательно, он сам принадлежал с точки зрения наших респондентов к их «касте» и выступал «гарантом» неразглашения полученных данных.

Параллельные опросы пастухов и представителей других социо-культурных страт в вышеотмеченных деревнях Барбаджи показали следующее.

Из всех представителей деревенского мира в состояние транс входили только пастухи. Кратковременный транс наступал у них, когда они находились не дома, а исключительно с отарами на отгонных пастбищах в горах, не у всех, а лишь у некоторых (одних и тех же лиц, преимущественно пожилых) в хронологический период между полуночью и двумя часами ночи, не еженощно, а спорадически, причем наступление его не предвещали никакие признаки. Из всех опрошенных 123 пастухов собственную склонность к впадению в транс отметили 24 человека. Лишь немногие из них (5 пастухов из

Аритцо, Дезуло, Оргозоло и Мамойада, чьи имена мы не приводим по просьбе респондентов) показали, что в их роду встречалось аналогичное качество, причем исключительно у мужчин.

Все впадавшие в состояние транса описывали состояние как *s'(i)scuriu* («помрачение»), при котором они цепенели и слышали цокот копыт и скрип телеги. Кроме того, по рассказам респондентов, помимо звуковых наваждений, некоторых из них также изредка посещали видения, когда в течение очень короткого отрезка времени им удавалось рассмотреть «смазанный» образ и лошади, и повозки. Для всех респондентов эти звуки и «картинки» недвусмысленно ассоциировались с *caddu tzoppu* («хромой кобылой»), которая, по широко распространенному в Барбадже поверью, запряжена в *carru 'e sa Molte* («телегу Смерти»). Несколько человек (4 человека) упоминали и тот факт, что иногда на фоне этого звукового ряда (цокот и скрип) некий голос им также называл имя того односельчанина, за кем телега явилась на сей раз, причем по возвращении в деревню с высокогорных пастбищ оказывалось, что «ночные сведения» были предикторскими и печальный прогноз сбывлся.

Итак, тема транса и одержимости в культуре Сардинии – все еще мало изученная, однако весьма важная область исследования, различные грани которой могут быть раскрыты в будущем.

Приложение: основные термины

Balentià (сард. в буквальном переводе – «доблесть») – ключевое понятие этико-правового кодекса Барбаджи, горной области Сардинии; то, чем должен быть наделен настоящий мужчина.

Баллу тунду (сард.) – древний сардинский «круговой танец», исполняемый группой мужчин вокруг огня и вводящий их в состояние группового транса.

Испириту 'э геррери (сард. «дух война») – состояние транса, наступающее у исполнителей *баллу тунду* в Барбадже (Сардиния). Сопровождается искажением сознания и восприятия, ощущениями перехода в состояние «безмыслия», удлинения, истончения тела, вылета души (духа) за пределы телесной оболочки, нарушением чувства дистанции и исчезновением чувства страха, тревоги, сомнений. Одновременно фиксируется синхронизация всех форм деятельности с «коллегами» по группе, наступление состояния «единодушия» с ними и готовности слиться с другими танцорами в нечто единое, мужское по духу; отмечается ощущение присутствия «некоего Духа», ведущего всех в одном направлении.

Иссокадорес (сард.) – участники мистерий, проводимых в Барбадже (Сардиния). Антагонисты *мамуттонес*. Персонажи в людском обличье, с выбеленными либо закрытыми белыми, подчеркнуто «правильными» масками, интродуцированы в XVII–XVIII вв. церковью с целью «нейтрализации» языческого характера обряда.

Маммуттонес (сард.) – впадающие в транс участники древних зоолатрических мистерий, проводимых в Барбадже, горной области Сардинии. Воплощение демонов. Обряжены в черные овечьи лохматые шкуры-бурки – древнее одеяние пастухов, перепоасанные связкой овечьих колокольчиков и коровьих ботал; лица закрыты характерной черной деревянной антропоморфной маской. «Немые» персонажи, всегда шествуют группой, двигаются ритмичной особой поступью – прыжками с поворотом туловища то на одну, то на другую сторону, синхронизируя как кинесику, так и звон ботал при движении.

Примунотте (сард. буквально «канун ночи») – время, которое в сардинском локальном контексте считается самым опасным временем суток, в том числе и в магическом смысле, своего рода «трещина между мирами», если оперировать терминологией, предложенной К. Кастанедой.

С'искуриу (сард. буквально «помрачение») – зафиксированное в Сардинии в пастушеской среде изменение сознания, сопровождающееся оценением, слуховыми, зрительными (образными и хроматическими), ольфакторными наваждениями.

С'испириту (сард. буквально «дух») – особое состояние транса, которое охватывает исполнителей роли *мамуттонес* во время шествий в Барбадже (Сардиния). Сопровождается разнообразными ощущениями – например, перерождения телесной и духовной природы исполнителей, особенно при надевании маски; превращения протагонистов в «могущественное» существо, обладающее властью над всеми; совершения «хронологического путешествия» назад во времени и погружения в древность; рядом физических ощущений: притоком сил, ослаблением усталости, появлением чувства невесомости.

Библиография / References

1. Alziator, Fr. (1954) *Storia della letteratura di Sardegna*. Cagliari: 3T.
2. Alziator, Fr. (1957) *Storiografia delle tradizioni popolari di Sardegna*. Cagliari: La Zattera.
3. Alziator, Fr. (1959) *Picaro e folklore e altri saggi di storia delle tradizioni popolari*. Firenze: Olschki.
4. Alziator, Fr. (1959) Contriburo al concetto di tradizione // «*Lares*». Firenze: Olschki. Vol. XXV.

5. Alziator, Fr. (1964). *Verso la storia dell'abbigliamento popolare in Sardegna*. Cagliari: Edizione della Rivista Il congegno.
6. Alziator, Fr. (1978) *Il Folclore Sardo*. Cagliari: Dessi.
7. Moretti, P. (1954) Mamuthones e Maimones // «Lares». Firenze. Vol. XX, fasc. 3-4. Pp. 179–180.
8. Moretti, P. (1963) La maschera dell'orso in Sardegna e il significato dei Mamuthones // «Lares». Firenze. Vol. XXXIII, fasc.1/2. Pp. 23-31.
9. Marchi, R. (1951) Le maschere barbaricine // «Il Ponte». Firenze. N 9/10. Pp. 1262–1279.
10. Turchi, D. (1984) *Leggende e racconti popolari della Sardegna*. Roma: Newton Compton.
11. Turchi, D. (1990) *Maschere, miti e feste della Sardegna*. Roma: Newton Compton. 1990
12. Turchi, D. (1992) *Samugheo*. Roma: Newton Compton.
13. Turchi, D. (2001) *Lo sciamanesimo in Sardegna*. Roma: Newton Compton.
14. Turchi, D. (2016) *Le tradizioni popolari in Sardegna*. Roma: Newton Compton.
15. Turchi, D. (2018) *I carnevali e le maschere tradizionali della Sardegna*. Roma: Newton Compton.
16. Ballore, R. (2006). *Mamuthones e Issohadores, maschere, carnevali. Note etnografiche*. http://www.mamoiada.org/_pdf/_mamuthiss/etno.pdf (Дата обращения: 15.05.2019)
17. Bourguignon, T. (1973) *Religion, altered states of consciousness and social change*. Columbus: Ohio State University Press.
18. Jordania, J. (2011) *Why do People Sing? Music in Human Evolution*. Tbilisi: Logos.
19. Le Scanff, C. (1995) *La conscience modifiée*. Paris: Editions Payot et Rivages.
20. Havelock Ellis, H. (1923) *The dance of life*. Boston: Houghton Mifflin Company edition.
21. Maurice comte de Saxe (1757) *Mes Rêveries*. T. I., Amsterdam et Leipzig: Arkstée et Merkus.
22. Musio, G. (1969) *La cultura solitaria. Introduzione e acculturazione nella Sardegna arcaica*. Bologna: Il Mulino.
23. Lilliu, G. (2002) *La costante resistenziale sarda*. Nuoro: Ilisso.
24. Arquer, S. (2007) *Sardiniae brevis historia et descriptio*. Cagliari: CUEC.. P.XCV.
25. La Marmora, A. (1928) *Viaggio in Sardegna*. Cagliari: Ed. Fondazione il Nuraghe.
26. Warre Tyndale, J.W. (2016) *The Island of Sardinia: Including Pictures Of The Manners And Customs Of The Sardinians, And Notes On The Antiquities And Modern Objects Of Interest In The Island (1849)*. Volume I. Palala Press.
27. Warre Tyndale, J.W. (2008) *The Island of Sardinia: Including Pictures Of The Manners And Customs Of The Sardinians, And Notes On The Antiquities And Modern Objects Of Interest In The Island (1849)*. Volume II. Charleston (South Carolina): BiblioBazaar.

28. Warre Tyndale, J.W. (2009) *The Island Of Sardinia: Including Pictures Of The Manners And Customs Of The Sardinians, And Notes On The Antiquities And Modern Objects Of Interest In The Island (1849)*. Volume III. Kila (MT): Kes-singer Publishing Co.
29. Lilliu, G. (1951) Preistoria Sarda e Civiltà Nuragica // «*Il Ponte*». Firenze. N 9/10.
30. Али-заде А.А. (2007) Зикр // Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар. [Dhikr].
31. Orrù, L. (1980–1981) Materiali per lo studio del Carnevale in Sardegna. Saggio di repertorio della voce denominazioni // «*Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Cagliari*». Vol. III (XL). pp. 375-411.
32. Orrù, L. (1981) Materiali per lo studio del Carnevale in Sardegna. Saggio di repertorio della voce personificazioni // «*BRADS*». № 10. pp. 5-37.
33. Orrù, L. (1982–1983) Materiali per lo studio del Carnevale in Sardegna Saggio di repertorio della voce maschere // «*BRADS*». № 11. pp. 41-84.
34. Maxia, A. Dal *Villaggio alla Selva*. L'umanizzazione dello spazio in una comunità' agro-silvo-pastorale della Barbagia. Quaderni del Museo etnografico di Aritzo. Palermo: Copygraphic s.n.c. 2003.

Информация об авторе

Оксана Д. Фаис, кандидат исторических наук, Центр европейских и американских исследований, Институт этнологии и антропологии, Российская академия наук, Москва, Россия; Россия, 119991, Москва, Ленинский пр., д. 32-а, oxana-fais@yandex.ru

Information about the author

Oxana D. Fais, PhD in History, Center of European and American Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russia Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninsky av., Moscow, 119991, Russia; oxana-fais@yandex.ru